

Андрей Андреевич Крушинский
кандидат исторических наук, доктор философских наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Субъект, пространство, время: как читать древнекитайский текст

Эпохальное открытие феномена **нелинейной** организованности древнекитайского текста замечательным ленинградским китаеведом-философом В.С. Спириным (1929–2002) радикально раздвинуло горизонты нашего восприятия письменного наследия Древнего Китая, наметив путь к преодолению столь привычного для современного (в том числе китайского) читателя предрассудка о **линейном** прочтении древнекитайской классики как якобы единственно допустимом и само собой разумеющимся. Принимаемая по умолчанию пресуппозиция **одномерности** стандартно прочитываемого текста навязывает его читателю ущербную, совершенно дезориентирующую оптику. Лучшим свидетельством тому служит неподражаемо комическое впечатление, производимое разительным контрастом причудливой замысловатости формы с обескураживающей банальностью содержания, отличающим китайскую философскую классику в большинстве ее современных переводов.

Неверный взгляд на исходный способ бытия древнекитайского текста представляет собой неистребимую мету безраздельного господства естественной темпоральной организации устной речи в ее проекции на письменный текст. Исходная иконичность китайской письменности в отличие от конвенционального символизма алфавитного письма (призванного обслуживать устную речь) сориентирована на представление пространственных конфигураций. Данное обстоятельство серьезно проблематизирует понятие субъекта в контексте древнекитайского дискурса. Ведь разрыв с линейной упорядоченностью текста равносителен разрушению единства речевой интенции и отвечающей ему субъектности говорящего. Последняя должна уступить место или бессубъектности (с катастрофическим распадом смыслового единства, обнажаемым современными переводами китайских канонических текстов), или совершенно иной субъектности.

На смену логике нарратива приходит пространственная логика **образности** (*сян* 象) с присущей ей темпоральностью. Специфическая овременность образа-*сян* распространяется и на гештальтную многомерность гексаграммной графики, наделяя последнюю отвечающей ей многомерной же темпоральной структурой. Именно гексаграммное время (*гуаши* 卦时) берет на себя функции нарратива по темпоральному объединению прошлого и будущего, конституируя гексаграммную субъектность.